ПОЧЕМУ ОСОЗНАНИЕ ТОГО, ЧТО МЫ УЖЕ МЕРТВЫ, ДЕЛАЕТ НАС БОЛЕЕ ЖИВЫМИ

Полностью состоявшийся солдат, выбор и огороды.

СЭМ АЛАЙМО

Мыслитель. Автор полевых наблюдений о смысле, антропологии, войне, подготовке, а также об инжире и собаках.

12 ОКТЯБРЯ 2026

https://www.whatthen.org/p/why-knowing-we-are-already-dead-makes?utm_campaign=email-half-post&r=212oc2&utm_source=substack&utm_medium=email

Иван Айвазовский. Дорога от Млеты в Гудаури. 1868.

Солдат делает профессию человека универсальной: посредством смерти.

Чем больше солдат узнает о смерти, тем больше он узнает о жизни.

Мы видим, что это осознание происходит эволюционно.

Первая ее стадия - “я не хочу умирать”. Когда мы спим, наши легкие дышат сами по себе. Когда мы нагибаемся за ботинком и видим, что на нас смотрит черно-красное существо, мы подпрыгиваем, и по нашей коже бегут мурашки - без каких-либо усилий с нашей стороны. Нежелание умирать в бою полезно для здоровья, потому что желание

умереть превращает бойца в обузу. Это вредно для здоровья, потому что боец не может всю ночь следовать со своим подразделением, оказавшимся в затруднительном положении и подвергающимся риску гибели.

Вторая стадия эволюции - “Я не могу умереть”. При достаточной подготовке или, может быть, при наличии небольшого (но не слишком большого) боевого опыта боец может поверить, что он неуязвим. Пули не могут пробить его стальную кожу. Он верит, что нет врага быстрее его в схватке и выносливее в изнуряющей жаре джунглей. Он не боится ночи, потому что ночь боится его... пока не осознает, что на самом деле может умереть. И когда эта жестокая реальность обрушивается на него, когда разлетевшаяся на мельчайшие осколки пуля впивается ему в глаза или уши, а сам он не может сдвинуться ни на дюйм, потому что следующая разнесет его череп, то он оказывается застигнутым врасплох. Вся архитектура бессмертия, на которой он строил свое представление о себе, проваливается под его ногами - а вместе с ней и его способность сражаться за своих, дерущихся слева и справа от него.

Конечная стадия эволюции такова: “Я уже мертв”. Тренировки обычно позволяют дойти до этого момента — после определенного количества пережитых боев он проходит оставшийся путь. Этот боец смотрит на свое снаряжение и оружие с любовью; он относится к мастерству и силе как к выбранной профессии; он сливается со своим подразделением настолько, что жизни товарищей становятся ценнее его собственной — и он знает, что делает это как мертвец. Его внутреннее спокойствие превосходит внешний ад. Ветеран Второй мировой войны и писатель Джеймс Джонс сказал о полностью сформировавшемся солдате: “Только тогда он сможет действовать так, как должен, под огнем. Он заранее знает и принимает, что он мертв, хотя, возможно, еще какое-то время будет ходить”. Это тот тип солдат, на которых новички на ранней стадии эволюции смотрят как на обладателей сверхчеловеческого сознания. Наш боец испытывает страх и гнев, но он направляет их на выполнение единой миссии, одной-единственной задачи во времени, каждая секунда являет целый мир.

Важным моментом является то, что полностью состоявшийся солдат не имеет доступа к сверхчеловеческому сознанию. Он просто осознал основную человеческую истину.

Мы по-настоящему живы только тогда, когда знаем, что мы уже мертвы.

Побочных преимуществ много, и за пределами зоны боевых действий они могут показаться нелогичными.

Осознание того, что мы уже мертвы, повышает вероятность того, что мы не погибнем. В трудные времена пропасть между жизнью и смертью больше не затуманивает наш

разум, и мы можем трезво оценить три или четыре варианта, которые у нас есть, чтобы выиграть схватку. Несмотря на то, что мы заземлены, мы, тем не менее, рассматриваем ситуацию как бы сверху, из неуязвимого святилища нашего "я", святилища, которое смерть может свести к нулю, но никогда не способно разрушить.

Смысл проявляется в форме сверхчувственного восприятия конкретных вещей. Время замедляется, восприятие углубляется. Паника подавляется плавным вдохом через нос и острым ощущением того, как воздух касается каждого волоска в наших ноздрях. Мы вдруг видим, какие кроваво-красные лепестки у цветка граната, как бездонна бороздчатость цветка ириса. Мы ощущаем отраженный свет Луны, изначальные вибрации последней десятой доли звука в букве "М", видим струйки пара на раскаленном стволе и зрелище сокращения и расслабления мышц крошечными ритмичными толчками по простой команде главного голоса в нашем черепе. Это одна из причин, по которой некоторые солдаты начинают воспринимать войну как дом, а сам дом - как нечто чужое.

Поэтому так захватывает, что нам необходим риск получить пулю в голову или испытать страдания дорогих нам людей, чтобы узнать то, что мы можем спокойно воспринимать как биологический закон: сознательный разум просыпается только тогда, когда он сталкивается с угрозой собственной гибели. На свете есть учителя получше, чем хватка холодной костлявой руки на нашем плече.

Урок куда глубже, когда мы по собственному выбору, а не насильно осознаем, что смысл жизни лежит не в десяти годах от нас, а в десяти дюймах от нашего лица. Смерть становится неактуальной, когда мы сравниваем ее с задачей, которую мы поставили перед собой после того, как усвоили этот урок.

Монтень принадлежал к военной знати, и его сапоги месили грязь еще до того, как он вывел чернилами на бумаге о смерти: “Я хочу, чтобы люди действовали, чтобы они выполняли налагаемые на них жизнью обязанности со всей полнотою, насколько это возможно, чтобы смерть застала меня за посадкой капусты, но я желаю сохранить полное равнодушие и к ней, и тем более к моему не до конца возделанному огороду”.

Правда в том, что нам не нужно стелить накат из бревен и бронеплиты, чтобы построить себе неприступное убежище.

Сада вполне достаточно.